

Архитектура Крымского ханства

Нияз Халит

(Институт истории им. Ш. Марджани

Академии наук Республики Татарстан)

Аннотация: Крымское ханство, просуществовавшее около 350 лет, оставило заметный след в истории России и некоторое количество наземных сооружений. К моменту его возникновения (1405 г.) его многоплеменной народ уже обладал тысячелетней строительной и архитектурной традицией. В целом архитектуру Крымского ханства можно определить как самостоятельное культурное явление, возникшее на прочном фундаменте местной традиции и опиравшееся, с одной стороны, на тюрко-татарскую государственную идеологию, с другой – на высокое ремесленное мастерство населяющих его народов. Находясь в непосредственной близости и зависимости от Османской империи, она восприняла черты турецкого стиля, оставаясь, однако, при этом в основе своей вполне своеобразной и концептуально ясной отраслью государственной и народной культуры Крыма.

Наиболее населенная часть, культурное ядро государства – Крымский полуостров также замечателен разнообразием природно-географической среды (горы, предгорье, степь, морское побережье). Это, а также сложность этногенеза крымскотатарского народа и вклад иноплеменных компонентов населения Крыма предопределили разнообразие планировочных принципов инфраструктуры поселений, типологию жилых и хозяйственных построек и способов их оформления.

В архитектуру Ханского дворца в Бахчисарае заложен принцип периметральной компоновки вокруг центрального двора. Он сближает Хан-Сарай с подобным же комплексом Арка в Казани и комплексом султанского дворца Топ-Капы в Стамбуле, одновременных с ним.

Ко времени возникновения Крымского ханства на его территории сложилось два основных типа мечети: центрально-купольный и колонный, воспринятые из более ранней золотоордынской традиции, а также купольно-базилические османского типа. После завоевания Крыма Россией развитие архитектуры здесь пошло по схеме, уже отработанной двумя столетиями ранее в Поволжье и Сибири. Лишившись государственного финансирования и государственной поддержки, мусульманская

культовая архитектура прекратила свое поступательное развитие, резко сократив масштабы, типологическое разнообразие и качество строившихся зданий. В течение 19 века на архитектуру крымскотатарских мечетей воздействовали типовые проекты, разрабатывавшиеся в Петербурге. Самым распространенным типом крымско-татарской мечети Нового времени стало 1–2 этажное каменное здание с минаретом, примыкающим к одному из фасадов. В советское время началось тотальное разрушение мечетей, медресе, кладбищ. Выселение крымскотатарского народа с его исторической Родины в феврале 1944 года подвело черту под процессом поступательного развития его архитектуры вплоть до распада СССР и образованием независимого государства Украины.

Ключевые слова: Татары, крымские татары, Крым, Золотая Орда, Крымское ханство, мечети, дюрбе, ханский дворец, архитектура.

Крымское ханство, просуществовавшее около 350 лет, оставило заметный след в истории России и некоторое количество наземных сооружений, значительное по сравнению с практически полным отсутствием таковых на обширных территориях других татарских государств Европы и Азии, но, конечно, всего лишь жалкий осколок великого прошлого своей культуры. Тем не менее, общее понятие об архитектурной культуре и региональных особенностях стиля на основе анализа этих памятников сложить можно.

Даже краткий перечень народов, вложивших свою лепту в крымскую архитектуру, впечатляет. В их числе тавры (IX–IV вв. до н.э.), скифы (IV–II вв. до н.э.), греки (V в. до н.э.), сарматы (II–I вв. до н.э.), римляне (68 г. – III в. н.э.), готы (2 пол. III – 2 треть IV вв. н.э.), гунны (375–576 гг. н.э.), болгары (кон. VI – 1 пол. XVIII вв. н.э.), хазары (2 пол. XVIII – кон. X вв. н.э.), кипчаки (X–XIII вв. н.э.), сельджуки (1 пол. XIII в.), армяне (XIII–XIV вв.), генуэзцы (XIII–XIV вв.), золотоордынские татары (сер. XIII – нач. XV вв. н.э.) и др. Все это создало предпосылки для возникновения новой государственной культуры Крымского государства XV–XVIII вв., объединенной тюркской национальной идеей и опирающейся на мощный фундамент древней местной архитектурной традиции. Итогом стало необычайно своеобразное искусство архитектуры, своеобразное даже несмотря на всеподавляющее влияние османского колосса, мощная культурная интервен-

ция которого решающим образом повлияла даже на гораздо более крепкий и чуждый арабский мир. В сохранившихся зданиях периода правления Гиреев можно видеть и свободную планировку поселений тюркского кочевого сообщества, и суровый стиль мангупского наследия, и четкую математическую гармонизацию форм архитектуры Золотой Орды, и поэтическое изящество отделки, присущее османскому мироощущению.

Исследователи отмечают удивительное многообразие форм и смешение стилей в памятниках средневекового Крыма, определяя его как эклектизм. При этом подчеркивается *«подлинное мастерство исполнения, изящество стиля»*, умение *«выбрать свое направление в разнообразном водовороте веяний, оставить наисовершеннейшие образцы своих творений»*. Отмечаются и некоторые западноевропейские мотивы (ренессанс и барокко), якобы никак не повлиявшие на становление современного крымскотатарского стиля и выглядящие как неорганичные авторские включения под влиянием стамбульских мод.

Мягкий теплый климат Крыма, обилие хорошего строительного камня и леса в сочетании с развитыми технологиями производства и обработки строительных материалов предопределили становление основ крымскотатарского зодчества с его легкими изящными летними жилыми помещениями, порой павильонного типа, на массивном каменном этаже, окруженных тенистыми галереями-айванами и обнесенных крепкими каменными стенами, сложными орнаментальными решетками, деревянной и каменной резьбой, цветными витражами, черепичными кровлями. Традиции тюркского быта и требования исламского законодательства сформировали сложную на европейский взгляд планировку с автономными зонами пребывания мужчин и женщин, представительскими и хозяйственными помещениями, стремлением скрыть внутренность жилища для взгляда извне.

Близость Турции, и политический союз с Портой подвигнули на создание «маленького Стамбула» в Бахчисарае, с Ханской резиденцией, воспроизводящей образ и формы султанского дворца Топ-Капы, одновременно с появлением подобной же резиденции в Казани [37, с. 118–125]. Эта тенденция усилилась с гибелью других татарских государств, когда османы остались единственным покровителем, союзником и духовно родственным народом

в политическом и военном противостоянии с русской экспансией. Уничтоженный в пожаре потемкинского погрома 1736 года Хан-Сарай восстанавливается в формах стамбульского стиля; мечети Крыма все более напоминают османские. Появляются и чисто турецкие образцы, в том числе выстроенные видными османскими зодчими: Джума-Джами в Кезлеве [13, с. 82–84], мечеть и бани в Кефе [13, с. 18–20, 85–86; 22] (мимар Синан, XVI в.).

В целом архитектуру Крымского ханства можно определить как вполне самостоятельное культурное явление, возникшее на прочном многовековом фундаменте местной традиции и опиравшееся, с одной стороны, на тюрко-татарскую государственную идеологию, с другой – на высокое ремесленное мастерство населяющих его народов. Находясь в непосредственной близости и зависимости от мирового центра исламской культуры того времени – Османской империи, она с неизбежностью (как, впрочем, и большинство мусульманских культур мира) восприняла черты турецкого стиля оставаясь, однако, при этом в основе своей вполне своеобразной и концептуально ясной отраслью государственной и народной культуры Крыма.

Поселения и жилища.

Обширная территория Крымского ханства включала в себя целый ряд местностей, коренным образом отличавшихся друг от друга как климатическими, так и природно-географическими условиями. Несмотря на то, что специальных исследований планировок средневековых поселений Крыма не проводилось, наблюдения XIX и начала XX вв. в ретроспективе дают материал, позволяющий с большой долей вероятности судить и об особенностях более раннего времени.

Наиболее населенная часть, культурное ядро государства – Крымский полуостров также замечателен разнообразием природно-географической среды (горы, предгорье, степь, морское побережье). Это, а также сложность этногенеза крымскотатарского народа и вклад иноплеменных компонентов населения Крыма предопределили разнообразие планировочных принципов инфраструктуры поселений, типологию жилых и хозяйственных построек и способов их оформления. Несмотря на это, их объединял ряд черт, присущих для любого татарского поселения: нерегулярность пла-

нировки, обязательное наличие каменной мечети (одной или нескольких), кофейни (къавехане), одновременно служившей гостиницей и мужским клубом. Местом общения женщин были роскошные бани. На окраине города или села располагались кладбища, где над могилами устанавливались мраморные или каменные плиты (баш таш), иногда строились мавзолеи (дюрбе).

Отмечается, что *«большинство средневековых крымскотатарских поселений горного и предгорного Крыма, являющегося регионом проживания автохтонного населения Крыма, располагались буквально на фундаменте строений своих этнических предков – таврских, скифских и греческих городищ и крепостей. Так, например, таврские могильники VI–V вв. до н.э. были найдены в следующих сёлах и городах: Отуз, Коз, Токлук, Судак, Алушта, Корбек, Кувуш, Стиля, Буюк-Озенбаш, Татар-Осман, Коккозъ, Гаспра, Гурзуф, Ялта, Аутка, Кореиз, Симеиз, Лимены, Кикинеиз, Байдар, Уркуста, Буюк-Мускомья, Дуванкой, Теберти, Бахчисарай, Буюк-Янкой»* [20].

Сёла горного и предгорного Крыма, утопали в садах, из сплошной зелени выглядывали стройные минареты. Особое значение, как и у многих других народов причерноморской зоны, татары придавали оформлению источников [22]: в городах и селениях встречались многочисленные фонтаны, порой вычурно украшенные орнаментами и каллиграфически выполненными надписями (имя строителя, год постройки, изречение из Корана).

Степные крымцы расселялись дисперсно, в соответствии с потребностями полукочевого скотоводства, обычно на склонах защищенных от ветра степных балок и речных долин с подветренной стороны. Дома, сориентированные фасадами на юг, располагались на значительном удалении друг от друга. Посреди деревни устраивали большую круглую площадку, усыпанную песком для военных упражнений. В степном районе Карасубазара и Симферополя татарские деревни отличались беспорядочным расположением домов, с пустынным двором, окруженным низенькой оградой и имели неправильные, но довольно широкие улицы [20].

Поселения южнобережной зоны зачастую представляют собой сплошную многоярусную застройку из двухэтажных домов по склону ущелья. Улицы в такой деревне – это кривые каменные лестницы в узких промежутках между домами, которые громоз-

дятся один над другим; двор иногда размещается непосредственно на крыше нижележащего дома [20].

Большинство средневековых поселений едва ли существенно менялись вплоть до эпохи русского господства и наступления индустриальной революции 2-й половины XIX века. К примеру, характеристикой татарского средневекового города вполне можно считать описание П.С. Палласа (кон. XVIII в.): *«Старый город Ак-Мечеть построен, как и все татарские города, с узкими, кривыми и немоощными, очень грязными улицами, и так как все его дворы обнесены оградами, а дома, построенные внутри этих дворов, очень низки, так что их почти не видно, то кажется, что бродишь среди стен известкового бутового камня. Все дома построены из белого мергельного известняка, обычного в этой местности и выламываемого не правильными, а не постелистыми кусками, в них примечается много окаменелостей, известных под именем чечевичных камней; только малая часть этого камня обтесана для углов и обделки дверей и окон. Вместо известкового раствора во всех татарских городах полуострова для построек употребляют глину, смешанную с известью, прибавляя для прочности песок. Дворовые постройки по большей части – плетневые, обмазанные глиной, а их крыши – из легкой желобчатой черепицы, положенной на глине по плетням; эти крыши, если черепица не подмазана известью, требуют большого ремонта от влияния господствующих здесь бурь»* [23, с. 26]. Известный исследователь крымскотатарских жилищ Б.А. Куфтин устанавливает четыре главных районных типа жилищ крымских татар:

1. Татарский дом г. Бахчисарая. Однотипная планировка усадеб; домики, несмотря на внутреннюю строгую изолированность одного от другого, соединены внутри калитками, посредством которых можно пройти весь Бахчисарай, почти нигде по улице. Дом стоит внутри усадьбы, в глубине двора (азбара) и делится на два уровня (нижнего и верхнего двора). Верхний двор (усть-азбар) нередко занят фруктовым садом. Одноэтажные дома (бир кьат) прямоугольные в плане, обычно выложены из дикого камня на глиняном растворе и перекрыты двухскатной или трехскатной крышей. Двухэтажные дома с консольно выступающим верхним этажом имели сходство со старыми византийскими домами, что еще раз подтверждает архаичность их архитектуры,

восходящую ко временам средневековья. *«Сначала более хорошие дома находились в Салачике и принадлежали в XVI веке, по Броневскому, османской колонии в Крыму, которая и являлась проводником константинопольских вкусов среди татарского населения. Частные дома создавались теми же мастерами, которые работали для хана»* [15, с. 8]. *«... Многие дома старинной крымской архитектуры, – писал А.И. Маркевич, – с наружными галереями и застекленными коридорами – даже с юга»* [16].

2. Деревенский дом Бахчисарайского района. Здесь, в районе водораздела Качи и Бельбека им описаны старые деревянные срубные дома (чатма эв) из массивных дубовых досок. Сруб стоит на низком каменном фундаменте или на каменном этаже (магъаз). Чердаков не было и потолком служила двухскатная крыша из обтесанных массивных брусьев. Более сложный вид, в развитие предыдущих, представляли деревянные двухэтажные дома в горных деревнях – Озенбаше, Стили и др. Их особенные, выступающие всюду крупные древесные стволы придавали селению не южный, а скорее какой-то северный образ. *«Естественно, – считает Б.А. Куфтин, – обратиться за объяснением этой своеобразной конструкции деревянных срубных домов к северным пришельцам – готам, которые владели значительной областью в этой части Крыма в течение более тысячи лет»* [15].

3. Дом степного района Карасубазара и Симферополя. Низкие, углубленные в грунт одноэтажные двух-, трёхкомнатные домики под двухскатной черепичной крышей («кирамет») из обмазанного глиной плетня или кирпича с подобием фахверковой конструкции отличаются от домов Бахчисарайского района наличием пристроенного хлева в одну линию с ним под одной крышей.

4. Дом южнобережного района. В культуре южнобережных крымцев и, в частности, в жилище, Куфтиным отмечались кавказские и малоазиатские черты. Отличительной чертой здесь была нигде не наблюдаемая в северном районе плоская крыша, а также большей частью крестовидная планировка. Дома здесь расположены на склоне горы, буквально один на другом. Плетеная передняя стена дома имела глиняную штукатурку, а снаружи к дому (к очагу) нередко пристраивалась куполообразная печь (фурун) для выпечки хлеба.

Принципы оформления интерьеров татарских жилищ, вероятно, мало изменились к Новому времени, на что указывает их схожесть с интерьерами татар Поволжья. Кроме характерных для крымского региона камина (оджакъ) с трубой (баджа) и подвешенного к нему на цепи казана, другие элементы интерьеров – яркие ковры (килим, макъат) или узорные войлоки (кийиз), постеленные на полу, широкие и низкие диваны (сет), расположенные вдоль стен, встречались у татар везде, где бы они ни жили [20]. Одежда и подушки были уложены стопкой на сундуках (сандыкъ) в специальной нише (къамере). На видном месте, на открытых полках (раф) расставлялась медная и гончарная посуда, развешивались полотенца. Из мебели – низенькие столики (хона), скамейки, зеркала, светильники, скатерти, салфетки, занавеси. Если в доме имелась отдельная парадная комната для гостей (мусафирхана), то лучшие вещи – ковры, посуда – собирались здесь. По описанию Евгения Маркова начала XIX века, *«Потолок с бахчисарайской резьбой, на полках ярко вычищенная посуда и несколько рукописных магометанских книг, деревянное мелкоreshetчатое окошко на турецкий манер; а уж ковров, подушек и тюфяков счёту нет! Мы сидим на коврах, поджав под себя ноги вокруг татарского столика настоящего арабского рисунка»* [20]. В более изысканных домах Бахчисарая *«над обычными окнами в более богатых домах близ потолка устраивались единственно для украшения фигурные окошечки из цветного стекла, вставленного в узорно вылепленные из гипса рамы в виде розеток, кипарисов и т.д., подобные тем, какие используются широким распространением на Востоке; в Персии и Средней Азии. Эти окна, особенно ясно обнаруживают в себе влияние художественного османского стиля»*. Иногда на потолках домов встречается роспись... Расписываются также карнизы стен букетами тюльпанов и баночками цветов [15, с. 10–11].

В степном Крыму, у наследников кыпчаков (половцев), важным материалом в убранстве жилищ были узорные войлоки, которыми увешивали и затягивали стены саманных домов, стремясь придать жилищу облик ушедшей в прошлое кочевнической юрты [20].

Все эти особенности, диктовавшиеся целым комплексом условий формирования архитектурной среды обитания, в том числе

и чертами своеобразия этнических традиций, носили объективный характер и сформировались уже при заселении Крыма татарами и их предшественниками. Поэтому перечисленные типы поселений и жилищ можно условно считать за более или менее приближенную модель реально существовавшей гражданской архитектуры крымскотатарского народа и в средневековое время.

Дворцовая архитектура.

Первые дворцовые комплексы Крымских ханов появились сразу с отделением Крыма от Золотой Орды и возникновением независимого государства. Перенеся в 1-й половине XV века столицу из Солхата в Кырк-Ор (Чуфут-Кале), хан Хаджи-Гирей вместе со строительством цитадели под северным склоном горы выстроил ханский дворец, который просуществовал как ханская резиденция вплоть до переноса столицы в Бахчисарай [16; 13, с. 27, 28]. Таким образом, к тому времени в Крыму существовало пять малых ханских дворцов – старый дворец Девлет-Сарай, дворцы Улаклы-Сарай, Алма-Сарай, Качи-Сарай, Сюйрень-Сарай [7]. Они служили ханам загородными виллами, главным же местом их пребывания стал Бахчисарай.

Хан-Сарай в Бахчисарае. Дворцовый комплекс в Бахчисарае имеет сложную историю [13, с. 37–38]. Он, вероятно, продолжая традиции дворцовой архитектуры столичных городов Золотой Орды [46], изначально строился не как укрепленная резиденция (эту функцию продолжал выполнять Кырк-Ер, где хранилась ханская казна и содержался до XVII в. монетный двор), а как своеобразное воплощение райского сада. Эта сквозная идея пронизывает здесь все: полное отсутствие выраженных элементов крепостной архитектуры, отказ от монументального стиля как воплощения государственной власти, свободная планировка при четком зонировании на представительскую и жилую зоны при общем ощущении жилой резиденции, а не парадного офиса.

В основе своей Хан-Сарай был выстроен Сахибом I Гераем вместе с основанием самого города Бахчисарая [47]. Со временем дворец рос и расширялся, каждый хан вносил свою лепту в его развитие. Исследователи приходят к выводу, что первый период формирования комплекса дворца завершился в правление Адиль-Сахиб-Гирей хана (был ханом трижды в период 1521–1551 гг.)

[47]. От XVI в. здесь сохранились Диван, Малая и частично Большая Дворцовые мечети, портал Демир Капы. Остальные постройки сильно искажены.

К сожалению, многочисленные вмешательства в архитектуру дворца после завоевания русскими Крыма, уничтожившие значительную часть его зданий и помещений, а также искажившие его интерьеры, не позволяют сегодня полностью реконструировать прежний облик Хан-Сарая. Однако основная его идея нерегулярного дворца-сада, давшая название всему городу, (от татарских слов *baqsa* «сад» и *saray* «дворец»), пронизанного светом, утопающего в цветах и зелени, с многочисленными уединенными уголками и фонтанами (потоки чистой воды – неотъемлемый атрибут представления о рае), сохранился. Не претерпел изменений и композиционный принцип периметральной компоновки вокруг центрального двора, изначально заложенный в этот комплекс, читается здесь достаточно отчетливо [16]. Он сближает Хан-Сарай с подобным же комплексом Арка в Казани [37] и комплексом султанского дворца Топ-Капы в Стамбуле, единовременных с ним.

В планировке дворца ясно читается деление на ряд локальных функциональных зон [16]: представительскую, жилую, мемориальную, хозяйственную и рекреационную (зону отдыха). В представительской зоне, располагающейся сразу за главными (Северными) воротами, сгруппированы вокруг передней части дворцовой площади, парадная часть дворца со входом через Демир Капы из Посольского сада, Диван и ряд других парадных помещений. К ней же можно отнести и здание Хан-джами на другой стороне площади. Жилая зона включает в себя заднюю часть дворца, гарем и окружающие сады с Соколиной башней. К ней примыкает и зона отдыха (садовые террасы) с дюрбе Диляры Алтын-Бикеч. На противоположной стороне площади – хозяйственная зона. К мечети примыкает мемориальная зона – Ханское кладбище.

Отдельные сооружения комплекса Хан-Сарая, датируемые первым периодом его существования, позволяют составить некоторое представление о характере крымско-татарской архитектуры XV–XVI вв.

Диван (Зал Совета и Суда). Когда-то здание было окружено открытой аркадой, а вход выделялся каменным резным порталом. Это говорит о чертах общности с подобными же современными

ему сооружениями Казани и Баку: зданиями Дивана в Арк-Казан [37] и Диван-ханэ Дворца Ширваншахов (XV в.) [25]. Стены зала были отделаны изразцами, в центре мраморного пола находился бассейн с фонтаном. К концу XVI в. относятся разноцветные орнаментальные витражи османского типа в верхних окнах; нижние окна имели решетки-мушарабия; тогда же выполнен наборный картуш в центре потолка. Под хорами у входа – высокая балюстрада, за которой во время судебного разбирательства сидели приглашенные на суд. Над входной дверью нависал балкончик, украшенный орнаментальной росписью и забранный решетками-мушарабия, вписанными в стрельчатые арки: типичная деталь богатых турецких домов. Предполагают, что отсюда хан мог скрытно наблюдать за заседаниями Дивана. В зале стоял трон хана, обтянутый тонким оранжевым сукном с вышитым на спинке золотым полумесяцем. По его сторонам стояли обтянутые такой же тканью табуреты, а вдоль стен – диваны для приближенных хана.

Жилой корпус. Парадные покои. Занимают второй этаж, куда можно подняться из Фонтанного двора по деревянной лестнице. Через ряд помещений – *Посольский зал*, высокий и двухсветный, с мраморным полом и голубым деревянным расписным потолком. Здесь было две большие ниши: для дворцовых музыкантов и «ханская ложа»; сюда вводили участников торжественных приемов или аудиенций у хана. *Портал Демир-Капы*. Роскошный резной каменный портал с массивной окованной дверью, расположенный в Посольском дворе, был парадным входом в ханскую резиденцию. Эта работа с отпечатком форм итальянского Ренессанса, принадлежит венецианскому архитектору Алоизио Ламберти да Монтаньяна (у русских он известен как Алевиз Новый). В традиционную композиционную основу мусульманского портала вписаны татарские и ренессансные орнаментальные мотивы, тамга Гиреев, арабские надписи, посвященные, Менгли Герая хану и датирующие это изделие 1503 годом. Тексты надписей таковы: *«Владелец этого дворца и правитель этой области, государь величайший, благороднейший, сын Хаджи Герая хана, да помилует Бог его и его родителей в обоих мирах»*. *«Этот величественный порог и эта возвышенная дверь построены по приказу государя двух материков и хакана двух морей, государя, сына государя, Менгли Герая хана, сына государя Хаджи Герая хана»*.

909 (1503)» [13, с. 36–37; 49]. Портал Демир-Капы на три десятилетия старше самого Ханского Дворца. Видимо, после постройки Бахчисарая портал был перенесен сюда из Девлет-Сарая, прежней резиденции Гиреев [47].

Гарем – интимная семейная зона, куда никто кроме хана, его малолетних сыновей и евнухов не имел права входить, его окружали каменные стены высотой до восьми метров. Существовало четыре гаремных корпуса – по числу законных ханских жен. Кроме них было множество наложниц. *«Там стоят черные аги (евнухи) и охраняют большие гаремные ворота, – писал Эвлия Челеби. – За этими воротами находятся триста шестьдесят великолепных комнат, расположенных друг над другом, с нишами, и высокие дворцы с бесчисленными разнообразными росписями, подобными хамелеону. Каждое строение построено кем-нибудь из падишахов»* [48].

В южной части гарема возвышается Тоган-Кулеси – Соколиная башня (вероятно, 60-е гг. XVIII в.) с видовой площадкой для обитателей гарема: евнухов, жен и наложниц. Название башни связано с тем, что в ее нижнем этаже находились ханские охотничьи соколы.

Хан-Джами. Другое ее название Буюк-Джами (по-татарски «буюк» – высокий) [47]. Массивное прямоугольное каменное здание мечети, крытое четырехскатной черепичной крышей, вытянуто с севера на юг. По бокам его – два легких изящных островных 10-гранных минарета на квадратных в плане основаниях с резными каменными шерефе с традиционной розеткой на каждой грани. Надпись, высеченная на плите над главным входом гласит, что мечеть построена Селямет-Гирей ханом, в 1741) г. Однако речь шла, по-видимому, о восстановлении и ремонте ранее существовавшего здания мечети после пожара 1736 г. Эвлия Челеби, описывая *«соборную мечеть Сахиб-Герай хана»* (то есть относя ее к XVI в.), не случайно отмечает архаичность ее архитектуры: *«Это старой конструкции дом Божий ... Внутри мечети на 20 высоких дубовых столбах – потолочная балка, а над ней простой потолок старой постройки. Справа находится место поклонения семьи достославных ханов (ханская Ложка). Над этим высоким местом висят разнообразные серебряные подсвечники и подвески ... слева, справа и со стороны кыблы – окна, выходящие в*

сад Тюрбе» [48]. Ближайшая аналогия ей – мечеть Узбека в Старом Крыму [1; 13, с. 10, 12–14], золотоордынский памятник сельджукской эпохи, имеющий свои прототипы в Турции и Поволжье [41; 34; 36, с. 18–23; 39, с. 16–23; 38, с. 19–27]. Внутри – это трехнефный зал, разделенный двумя аркадами, перед михрабом – высокий поперечный неф. Второй этаж образует маафиль – хоры, идущие вдоль трех стен (восточной, северной, западной) и предназначенные для молящихся. На правой стороне маафиля находится небольшая комната – молельня хана, богато отделанная фаянсовыми плитками и росписью. Хан входил в нее со двора по деревянной лестнице. Мукарнасная ниша михраба украшена лепниной со стилизованными растительными узорами. Справа от михраба находится деревянный минбар. С запада и востока здание окружают галереи со стрельчатыми арками, опирающимися на тонкие восьмигранные колонны. Верхние окна двусветного зала имеют разноцветное витражное заполнение. На некоторых – коранические изречения.

Малая дворцовая мечеть, XVI в. Домовая мечеть хана, его родственников и приближенных. Над входом надпись с именем Селямет-Гирея с датой восстановления мечети вместе с дворцом в 40-е годы XVIII века [44, с. 257]. В оформлении входа и пластике михраба ощущается отголосок сельджукских мотивов эпохи Золотой Орды; росписи интерьера на вид еще более архаичны и адресуют на первый взгляд к ранним арабским образцам Сирии, Ирака и Туниса. Орнамент османского типа, обрамляющий михраб, более поздний и относится к XVII в. Однако не в меньшей степени эти росписи напоминают рисунки традиционных тканых и войлочных полотнищ, украшавших тюркские юрты и шатры, в которых размещались и первые мечети кочевников. Не исключено, что здесь воссоздан образ традиционной золотоордынской домовой мечети, пришедший в Крым вместе с татарами. На эту мысль наталкивает и сообщение о том, что на древней штукатурке при реставрации были обнаружены изображения всадников, лошадей, лодки с парусами, относящиеся к первому строительному периоду дворца. Фасады здания скрыты поздними пристроями. Конструктивное решение и композиция купольного зала также сближают мечеть с сельджукскими памятниками 14–15 вв. Обилие архаичных элементов и порою нетипичных для мечетей изобразительных сюжетов оформ-

ления говорит о том, что, возможно, в архитектуре этого здания отразились воспоминания о более ранней семейной домовая мечети чингисидов Гиреев, образ которой и был воспроизведен при строительстве Хан-Сарая.

Ханское кладбище (мезарлык). Архитектура надгробных сооружений на Ханском кладбище носит отчетливый отпечаток османского стиля, однако имеет и ряд своеобразных черт. В двух монументальных **дюрбе**, семейных усыпальницах Гиреев XVI–XVII вв., похоронены 16 ханов, прочие захоронения принадлежат их родственникам и приближенным [32; 33]. Гробницы оригинальны своей композицией: над высоким восьмигранным двухсветным ярусом расположен низкий глухой восьмигранный ярус, повернутый по отношению к нижнему на 30^0 , и все это увенчано полусферическим куполом со свинцовой кровлей. Гладкие, оштукатуренные, четко ограненные объемы усыпальниц украшены очень скромно, но элегантно, продолжая традиции золотоордынских мемориальных сооружений. В дюрбе, как и в других странах мусульманского мира, ставились каменные надгробия и деревянные саркофаги, покрытые черным или зеленым сукном с вышитыми золотом изречениями из Корана; у изголовья помещалась чалма, ставились большие бронзовые или серебряные подсвечники; полы устилались коврами, в нишах стояли светильники, курительницы, лежали книги со священными надписями. Судя по средневековым описаниям, именно так выглядела изнутри и усыпальница Казанских ханов [11].

Отдельно стоящее **дюрбе Дияры Бикеч** [13, с. 63], любимой жены хана Керим-Гирея, сохраняя традиционную компоновку объемов, стиль и присущую крымским усыпальницам элегантность, несет на себе легкий отпечаток стамбульского барокко второй половины XVIII в. в абрисе ниш нижней аркады.

Мраморные и известняковые **надгробия** встречаются двух типов: в виде саркофагов и надгробных стел. Мужские надгробия увенчаны чалмой, а иногда и воинскими атрибутами; женские – подобием плоской шапочки. Памятники покрыты резьбой, где кроме каллиграфически исполненных надписей (эпитафий и изречений из Корана) – разнообразные мусульманские орнаменты, порой с включением мотивов итальянского Ренессанса. Разнообразные надгробия-саркофаги относятся к XIV–XV вв. и вывезены с

кладбища Эски-юрта – Кырк-Азизлер [6]. Аналогии им можно найти среди старинных памятников Персии, Средней Азии, Кавказа, они отражают полиэтническую культуру Золотой Орды. Как писал Эвлия Челеби, «*Первые татары пришли сюда из городов Махана¹ и Ахлата², Кермана³, Ясу⁴, из-под Казани, Аждерхана⁵ и Сарая*». О том же говорит и орнаментика надгробий, где читаются мотивы самого разного происхождения: византийские (лампады, голуби, кентавры), сельджукские [44, с. 124–128] (плетенки, розетки, особенно геометризованные, плетенка, мотив кипариса и др.).

Баня Сары-Гюзель (Желтая красавица). Распространенный тип восточной бани, известный повсюду, в т.ч. и в Золотой Орде. Согласно надписи, она была сооружена при хане Адиль-Сахиб Гирее в 1532 г.; предполагают, что вначале это была городская баня, позднее включенная в дворцовый комплекс. Здание перекрыто одним большим и несколькими малыми куполами с отверстиями для освещения. К мужскому и женскому отделениям примыкали крытые дворики с фонтанами. Здание обогревалось системой отопительных каналов под полом и в стенах. Горячая и холодная вода поступала в моечные отделения по свинцовым трубам и подводилась к пристенным каменным фигурным раковинам.

По всей видимости, Хан-Сарай закладывался как традиционный дворцовый комплекс в духе ханских резиденций столичных городов Золотой Орды [46]. Об этом говорит демонстративный отказ от внешних укреплений и архаичная архитектура ключевых сооружений, как бы хранящая воспоминания о прошлом и, возможно, воспроизводящая какие-то знаковые черты родовых сооружений чингисидов. Это подтверждают и воспоминания современников, видевших дворец до его пожара в 1736 году, упоминавших о «китайском» характере его отделки. И в надписях XVII века повествуется о том, что новый образ дворца понравился бы китайцам. Китайский и монгольский компонент в культуре Золотой Орды, несомненно, традиционно поддерживавшийся по-

¹ Северо-восточный Иран.

² В Малой Азии близ озера Ван.

³ Юго-восточный Иран.

⁴ Казахстан.

⁵ Астрахань.

томками монголов, скорее всего был присущ ментальности чингисидов и искусственно вводился в бытовое окружение ханов, символизируя связь времен.

После пожара, который практически разрушил Хан-Сарай во время русского вторжения 1736 г., комплекс дворца сохранил в целом прежнюю внутреннюю структуру, но претерпел модернизацию в более современных формах: лаконичные стенные панно XVII в. с росписями под мрамор и мотивами гроздьев винограда сменялись изысканными орнаментами в стиле «крымского рококо»; на смену торжественным залам XVI века в XVIII столетии во Дворце начали строить легкие киосковые постройки. Большую роль в отделке дворца после пожара в 60-е гг. сыграло творчество иранского мастера Омера, заново оформившего и расписавшего большинство пострадавших помещений дворца и изготовившего, в частности, знаменитый Сельсебиль («Фонтан слез»). Им сооружена и богато отделана одна из интереснейших комнат Хан-Сарая – гостиная Крым-Гирея. Она расположена над летней открытой беседкой – так называемой «Альгамброй», где находится фонтан с квадратным мраморным бассейном. Вначале беседка была открытой, и по ее колоннам вился плющ.

В архитектуре Хан-Сарая отчетливо выражен принцип асимметрии, столь характерный для тюркского мышления в искусстве. Он проявлялся в татарском искусстве всех времен, придавая особый шарм даже произведениям барокко и классицизма, где принцип симметрии выдерживался особенно жестко. Внимание к детали, поэзия взаимной гармонизации форм и цветов первичны по отношению к общей композиции. В качестве примера можно привести тот же Сельсебиль, где при общей геральдической симметрии нельзя найти двух одинаковых деталей.

Культовая архитектура.

Мечети.

Ко времени возникновения Крымского ханства на его территории сложилось два основных типа мечети: центрально-купольный и колонный, воспринятые из более ранней золотоордынской традиции (*центрально-купольные* – мечеть в Судакской крепости [21], 1222 г.; Куршун-Джами [10]; *колонные* – мечеть

Бейбарса [10], 1287–1288 гг.; мечеть-медресе Узбека [13, с. 10, 12–14], 1314 г.; мечеть в Кырк-Иери [10] (позднее Чуфут-Кале), 1346 г.) *зальные* – мечеть Тахталы Джами в Бахчисарае [13, с. 63–64], 1707 г.; а также *купольно-базиличные* (Хан-Джами в г. Кезлев [13, с. 82–84], 1552 г. и др.). Новые торговые, ремесленные центры полуострова XVI–XVIII вв. Бахчисарай, Кезлев, Карасувбазар, Ор активно застраивались общественными и культовыми сооружениями при поддержке и покровительстве крымских ханов. В Бахчисарае, по описанию турецкого путешественника Эвлия Челеби, в 1666 году насчитывалось 24 мечети. Карасувбазар в 1666 году располагал 28-ю мечетями. В городе Кезлев в XVII веке находились здания 26 мечетей [48]. Итак, общее количество мечетей сооруженных за пять с половиной столетий в 6 городах и в 1474 деревнях Крыма к 1786 году составило свыше 1600.

Центрально-купольные мечети [39, с. 30; 38, с. 34] представляли собой, как правило, кубический объем, перекрытый куполом на парусах, опирающимся на 8–16-гранный уплощенный барабан. К зданию могли примыкать разнообразные пристрои (сени, галереи, медресе). Над углом здания возвышался 10–16-гранный минарет на квадратном в плане вытянутом вверх ярусе, обычно в османской традиции [35; 39, с. 30; 38, с. 34]. В их числе Кебир-Джами [8; 12; 14] в Ак-Мечеть (Акмеджит), 1508 г. (7 x 7 м), домовая мечеть Гиреев в Бахчисарайском дворце, мечеть Муфтий-Джами в Кафе). Здания могли иметь скатные покрытия с черепичной кровлей или металлические (свинцовые) прямо по поверхности внешнего купола.

Колонные мечети [39, с. 30–31; 38, с. 34–35] представляли собой прямоугольное строение, часто двусветное, с вытянутым вдоль кыйблы молельным залом и тремя продольными нефами, образованными каменными аркадами. Над боковыми нефами размещались антресоли.⁶ Здание перекрывалось 1–4-скатной крышей с черепичным покрытием и могло увенчиваться полумесяцем рогами вверх в османской традиции. Таковы реконструк-

⁶ В литературе их называют хорами, а саму планировку мечети – базиличной, хотя, строго говоря, базиличная конструкция предполагает освещение зала через выступающие стены центрального нефа, чего в татарских мечетях не наблюдалось.

ция мечети в Чуфут-Кале, 1455 г.; Хан-джами в Бахчисарайском дворце, 16 в.; небольшая мечеть Ешиль-Джами близ Бахчисарайского дворца, 1764 г.

Зальные мечети [39, с. 30–31; 38, с. 35] прямоугольной в плане конфигурации представляют широко распространенный в татарской архитектуре тип, встречающийся в разнообразных вариантах по всей территории России, в Средней и Малой Азии, на Кавказе и др. К ним относится мечеть Тахталы Джами в Бахчисарае, 1707 г. [24] и др.

Купольно-базиличные мечети [39, с. 31; 38, с. 35] являют собой прямой перенос османского типа джами, появились в середине XVI века усилиями великого османского зодчего Синана. Образцом мечети этого типа является Джума Джами (Хан-джами) в г. Кезлев, 1552 г. Вероятно, к этому же типу относилась и самая большая в Крыму мечеть, сооруженная в честь султана Селима в г. Кефе (Феодосия), творение знаменитого турецкого зодчего Ходжа Синана, разобрана в 1833 году.

Кроме них упоминаются «Шор Джами», «Буюк Джами» [47].

После завоевания Крыма Россией развитие архитектуры здесь пошло по схеме, уже отработанной двумя столетиями ранее в Поволжье и Сибири. Лишившись государственного финансирования и государственной поддержки, мусульманская культовая архитектура прекратила свое поступательное развитие, резко сократив масштабы, типологическое разнообразие и качество строившихся зданий. После вхождения Крымского ханства в состав Российской империи, особым указом 28 июня 1783 г. была закреплена свобода крымских татар исповедовать «природную веру». По сведениям И. Абдуллаева, *«ещё в 1794 г. было намечено учредить особое духовное управление, однако лишь в 1837 г. было издано положение о Таврическом магометанском духовном правлении и правилах производства им духовных дел мусульман Крыма, а также литовских и польских татар. Согласно принятой иерархии, высшее мусульманское духовенство состояло из Таврического муфтия, кадий-эскера и уездных кадиев (судей). Приходское духовенство состояло из хатыпов (хатибов), имамов, муэдзинов и служителей мечетей. Центром религиозной жизни продолжал оставаться Бахчисарай. В 1884 г. здесь было 3 медресе и 32 действующие мечети»*.

Жесткая дискриминационная политика русского правительства по отношению к крымским мусульманам привела к массовой эмиграции татар за границу и разрушению их памятников. *«Общее количество мечетей сооруженных за пять с половиной столетий в 6 городах и в 1474 деревнях Крыма к 1786 году составило свыше 1600, – пишет Ибраим Абдуллаев. Во время Первой мировой и гражданской войн их было уже 632... Таким образом одним из итогов российской, колониальной политики в Крыму (1783–1917 г.) стало уничтожение около тысячи мусульманских культовых сооружений»*, т.е. около 80 процентов. Учитывая новое строительство, можно констатировать почти полную утрату средневекового татарского архитектурного наследия в Крыму, сохранявшегося еще ко времени включения его в состав Российской империи.

В 1829 г. на строительство татарских мечетей был распространен указ «Об устройстве деревень, коим не позволяется заводить церквей иначе, чем на площадях...» [26], который прежде их не касался. Впервые после известного указа Екатерины II «О терпимости всех вероисповеданий ...» [18] были введены вновь ограничения на постройку мечетей, подтвердившие дискриминационный указ Анны Иоанновны от 23 августа 1756 г. В тексте этого указа, в частности, говорилось: *«Что же касается до назначения единообразных планов и фасадов мечетей, то хотя и не имеет в виду особенного закона, который обязывал бы строить мечети по планам, от Правительства данным, но не находит в сем затруднения, по сему ... что сами магометане просили иногда у правительства и принимали умного планы и фасады для построения мечетей ... За сим поручено было Строительному Комитету Министерства внутренних дел, приняв в соображение имеющиеся в виду на мечети чертежи, составить для оных образцовый план и фасад... Для построения мечетей всегда лучше назначать место на площадях, а где площадей нет, там производить оные на расстоянии не менее 10 сажен от строения»* [26]. В приложении к указу даны чертежи этой «образцовой» мечети весьма любопытной наружности, плода творческих изысканий архитектора А.И. Мельникова (Подробный анализ этого проекта см.: [45, с. 146, 170–172]).

В настоящем случае в основу мечети был положен один из традиционных типов центричной золотоордынской (а в основе своей, вероятно болгарской) мечети с минаретом в центре крыши. С другой стороны, здесь явно прочитывается и другой прототип: священный для каждого мусульманина храм Куббат ас-Сахра (607 г.н.э.) или мечеть Скалы в Иерусалиме, возведенной на месте, где Аллах продиктовал Мухаммеду Коран. Таким образом среди прототипов проекта легко усмотреть распространенную на Переднем Востоке центричную мечеть, наиболее ранним примером которой является упомянутая мечеть Скалы, а так же и более поздние культовые и мемориальные сооружения Азербайджана XIII–XV вв., Афганистана XVII–XVIII вв., Турции XIII–XVIII вв., Крыма XIV–XV вв.⁷ и др. [39, с. 65; 38, с. 84] Известны подобные сооружения и в архитектуре средневековой Казани⁸.

К тому времени русские архитекторы уже имели, как мы знаем, некоторый опыт в проектировании мечетей в Казанской, Оренбургской и Уфимской губерниях, а также на Кавказе [39, с. 66–67; 38, с. 84]. Последние из этих проектов, опираясь на те или иные местные традиции, развивали именно центричную композицию, которая получила уже к тому времени распространение и в архитектуре русского классицизма, где нередко были церквиротонды и другие центричные храмы, в целом сходные в планировке и композиции [39, с. 67; 38, с. 84–85]. Имелся опыт проектирования и строительства мечетей в духе классицизма в Казани, Оренбурге и Омске, в том числе и центричных [39, с. 67; 38, с. 85]. Таким образом, проект давал толчок к развитию одного из типов средневековых джамии, направляя его стилевое русло классицизма николаевского времени.

Приведенный образцовый проект предназначался, как следует из аннотации к нему, для строительства мечетей в деревнях Пензенской губернии. В Казани мечети по этому проекту не строились. Однако известно немало мечетей в городах и селах Казанской, Нижегородской, Пермской, и Уфимской губерний, возведенных по этому проекту, что говорит о неограниченности его приме-

⁷ Большое Дурбе в Азизе и др. [см.: 39, с.31; 38, с. 198].

⁸ Мечеть Тюмен джами в Казанском Кермане [см.: 36, с. 31].

нения. В 1831 г. этот проект был распространен и на мечети крымских татар [5] (правда, факты реализации его в натуре в Крыму мне неизвестны) и, по всей видимости, воздействовал на формирование архитектуры азербайджанских и дагестанских мечетей, у литовских татар, калмыцких храмов [39, с. 67; 38, с. 85].

К середине XIX в. в архитектуре России, наметился решительный поворот в сторону новой художественно-эстетической системы. Стало модным всюду искать народные корни, воспевать красоту национальных, «исконных» форм искусства и архитектуры. Эстетика романтизма, опиравшаяся на возрастающий интерес к национальным художественным традициям, в полной мере отразилась на архитектуре татарских мечетей России.

В это время появляется новая разработка образцового проекта мечети 1844 г. [27] на основе прямоугольного плана и принципа осевой симметрии. Она имела несколько разновидностей: с минаретом перед зданием над входным тамбуром, с двумя минаретами и различные вариации этой композиции с дополнительными башенками по углам здания [39, с. 66, 68; 38, с. 86–87]. В композиционной и планировочной идее этих образцовых мечетей отчетливо угадываются их прототипы: средневековые волго-камские махалля мечете и купольные джами.

Создание этого проекта было связано, прежде всего, со сменой эстетических идеалов в российской культуре. Классицизм, даже в период своего наибольшего могущества не сумевший оказать решительного воздействия на архитектуру мечетей Волго-Камья, уже не мог служить руководством для ее дальнейшего развития, а поиски новых образных решений были направлены в русло романтизма. В отличие от прежних времен, новый закон требовал выведения мечетей из гущи застройки в центре площади. Строгая симметрия относительно продольной оси – дань классицизму – сблизила проект с композицией, распространенной в русской церковной архитектуре XVIII – нач. XX вв., что вольно или невольно провоцировало мусульман «шарахаться» при реализации этого проекта от выраженных форм классицизма в стремлении избежать окончательной схожести с церковными сооружениями. Впрочем, авторы образцового проекта изначально заложили восточные черты во все варианты купольной мечети, что в итоге вернуло им как необходимую знаковость культового

сооружения, так и специфическую исламскую образность. Динамичное противопоставление высокой башни минарета статичному купольному объему сразу позволило выделить здание из окружающей среды, не прибегая к излишнему повышению самой мечети, а стилевая окраска фасадов и семантика его внешних форм служили средством выражения политических и идеологических взглядов заказчика.

Центричные мечети 1830-х гг. могли бы представить определенный интерес с точки зрения изучения творческого метода русского архитектора, при облечении образцового проекта в непривычные формы и малоизвестное образное содержание. Как это было принято в практике российского строительства того времени, образцовый проект задавал лишь планировочную и композиционную схемы здания, отнюдь не ограничивая выбора конкретных форм. Поэтому мечети, выстроенные по этому проекту в разных городах России, оказались самыми разнообразными, и их можно объединить лишь по композиции, а не по стилю. Образ мечети, таким образом, в этот период оказался в большой зависимости от позиции ее автора, что дало большое разнообразие вариантов [39, с. 68; 38, с. 88].

Известно немало объектов реального осуществления этой экзотической идеи в конкретных формах. Как и в предыдущем случае, квартальные мечети оказались более самобытными в образном отношении и выполнялись «ближе к тексту» образцового проекта. Каменные же городские мечети отразили в большей степени творческие поиски профессионалов, стесненных к тому же необходимостью соблюдения формальных признаков общегосударственного «стиля».

Романтические веяния в российской архитектуре в середине XIX в., ярким провозвестником которых стала мечеть Караван-Сарая в Оренбурге, заявили о себе в полный голос и воплотились в целом ряде построек на базе образцового проекта 1844 года. Большой разброс по территории России не помешал проявлению в них общей тенденции на повышение роли болгаро-татарской традиции в образе и конкретных формах при общей опоре на русский классицизм как на принцип организации пространства.

В 1861 году, ввиду многочисленных просьб мусульман на издевательства властей⁹, в Государственный совет был представлен проект «О дозволении строить магометанские сельские мечети не по утвержденным в 1844 году для мечетей вообще планам и фасадам», где, в частности, было сказано: *«Сооружение мечетей по упомянутым чертежам обходится дорого и не для всех магометанских селений доступно. Между тем губернские начальства не дозволяют исправлять старые, требуя, чтобы они были перестроены по утвержденным рисункам. Посему ...в виду облегчения магометанских обществ в исполнении религиозных обязанностей просим об ... разрешении строить мечети не по одним утвержденным чертежам, но и по другим, какие будут признаны удобными...»* Последовавший за этим указ вошел в Строительные уставы последующих выпусков в следующем виде: *«Новые мечети... строятся по планам и фасадам, каковые прихожанами будут признаны удобными, но с тем, чтобы, когда постройка мечетей предполагается не по Высочайше утвержденным чертежам 1844 года, особые проекты были каждый раз утверждаемы местными губернскими правлениями (по Строительным Отделениям)»* [17]. Таким образом, начиная с 1863 г. все ограничения на свободный выбор заказчиком композиционного и планировочного типов мечети были отменены.

Можно констатировать в итоге, что, несмотря на значительную, казалось бы, зависимость архитектуры от внешних обстоятельств, в ее эволюции тем не менее прослеживается некая мощная магистральная идея, не допускающая существенных отклонений от традиции, а тем самым и духовного произвола исполнителя над заказчиком. Прослеживающаяся вполне отчетливо на всех уровнях эстетическая концепция, некая система позволяет говорить о существовании жизнеспособной и прочной традиции в культовой архитектуре Нового времени, берущей свое начало

⁹ В качестве примера можно привести жалобу муллы дер. Бол. Сайман ведомства Сызранской уездной конторы, который, *«получив разрешение Симбирского Губернского Правления на исправление им мечети, выстроил на свой счет, с пособием от крестьян, новую мечеть, но не по Высочайше утвержденному в 1844 г. Рисунку... и был оштрафован... с обязательством перестроить мечеть на свой счет»* [9].

еще в зодчестве средневековья. Эта традиция, носителем которой выступал народ в лице конкретных заказчиков, и сформировала в итоге целостную при всем многообразии проявлений и достаточно устойчивую к деформирующим воздействиям извне архитектуру мечетей Нового времени, поддающуюся системному анализу на разных уровнях.

Самым распространенным типом крымско-татарской мечети Нового времени стало 1–2 этажное каменное здание с минаретом, примыкающим к одному из фасадов [39, с. 83; 38, с. 106]. Оно решалось в виде прямоугольного в плане объема, перекрытого 4-скатной крышей или куполом. При всех вариациях сохранялась твердая опора на османский стиль в различных его проявлениях: классический (Шор джами в Карасубазаре [10, с. 44–46], Юсуповская мечеть в Коккозе [50]), мусульманское барокко (Исми Хан джами в Бахчисарае [4]), неоготический (Воронцовская мечеть в Алушке), модерн (мечеть в Гурзуфе, Джума джами в Сеид-Нафе – Ак Мечеть [13, с. 76, 77, 79]). Минареты характерно османского типа выглядели как высокий тонкий цилиндрический (многогранный, каннелированный) стержень на квадратном в плане основании большей или меньшей высоты (от куба до вытянутого параллелепипеда), обычно вплотную примыкающего к одной из стен здания, увенчанного открытой площадкой шерефе, выход на которую находился в меньшем по диаметру цилиндрическом ярусе, который, в свою очередь, увенчивался высоким конусом крыши.

Некоторые из наиболее профессионально исполненных мечетей были построены русскими меценатами: графом Воронцовым (Алушка) и князем Юсуповым (Коккоз) как часть комплексов их собственных имений.

Судьбы мусульман России резко изменились после октября 1917 года. Пространство бывшей империи оказалось разорванным на несколько враждующих территорий, с переменным успехом переходивших из рук в руки в течение 1918–20 гг., и говорить в условиях гражданской войны о каком-либо развитии культуры и тем более архитектуры не приходится.

Уже 24 ноября 1917 года Совнарком РСФСР распространил обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», подписанное предсовнаркома Лениным и наркомом по на-

циональным делам Сталиным, где говорилось следующее: «...Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов, Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов...» [39, с. 108; 38, с. 148].

Впрочем, довольно скоро лозунг «свободу мусульманам» разделил судьбу всех других революционных лозунгов, обещавших рабочим заводы, крестьянам землю, народам мир, а голодным — хлеб. Но вначале большевики делали серьезную ставку на мусульманскую часть населения бывшей империи, старательно показывая ему свою лояльность и покровительство, в отличие, скажем, от всех христианских конфессий, в которых революционеры видели только своих врагов... «Советское правительство считает шариат таким же правомочным, обычным правом, какое имеется и у других народов, населяющих Россию» [39, с. 108; 38, с. 149], — подчеркивал Сталин...

До середины 1920-х гг. мусульманская умма России особенным ограничениям или дискриминациям не подвергалась¹⁰. В 1926 г. в Казани появилась новая мечеть (арх. Печников), приуроченная к 1000-летию принятия ислама Волжской Булгарией. В ней была проведена торжественная служба, после чего мечеть закрыли на 75 лет [39, с. 108; 38, с. 149].

К моменту присоединения Крыма к России (1783 г.) на полуострове было около 1530 мечетей, десятки медресе и текке. После ряда эмиграционных волн из Крыма в Турцию число мечетей к 1917 г. сократилось до 729, мусульмане стали религиозным меньшинством в Крыму [3]. В 1926 г. Президиум ВЦИК запретил мусульманское вероучение к преподаванию на всей территории СССР. Вскоре ГПУ Крыма сообщало: «По имеющимся у нас сведениям, в связи с введением в школах естествознания и упразднения преподавания Корана, большинство татар очень неохотно

¹⁰ Исследователь Л. Малицкая утверждает, что «вплоть до 1923 года мусульманское духовенство в Тюменской губернии помимо изъятия из его ведения школ никакого вмешательства со стороны советских органов не испытывало» [2].

отпускают в школу своих детей». В селах Крыма происходили волнения, татары требовали прекратить преследования верующих... В конце 20-х гг. на ислам обрушились репрессии. Начинается снос мечетей, закрываются медресе... Репрессии на ислам достигли апогея в конце 30-х гг. К 1940-му году были закрыты почти все мечети, разрушены мавзолеи святых. Активное участие в этом принимали татары-комсомольцы. В 1937 г. НКВД Крымской АССР арестовал по делу так называемой «Идель-Уральской организации» 100 человек из мусульманского духовенства. 99 из них были расстреляны [3].

Во второй половине 1920-х годов усиливаются давление и пропаганда, направленные против религиозных учреждений. Властям уже была нужна не лояльность, а полное подчинение. Во второй половине 20-х в СССР стартовал «крестовый поход» против религий и культов, который возглавил «Союз воинствующих безбожников» под предводительством Е. Ярославского [3]. К 1930 году в Татарии религиозные мусульманские учреждения представляли 26 мухтасибатов, 2134 мечети и приходских совета при них. В том же 1930 году из 12000 мечетей было закрыто более 10000, от 90 до 97% мулл и муэдзинов были лишены возможности осуществлять свои обязанности [28]. Мечети закрывали повсеместно на всей территории СССР, огромное число зданий частично или полностью разрушалось. Здания использовались под клубы, библиотеки, общежития и жилые дома, овощехранилища, архивы, котельные, сумасшедшие дома. Появились целые бригады «строителей», специализировавшиеся на опрокидывании колоколен и минаретов специально разработанными методами.

Система религиозного исламского образования также перешла под контроль государства.

Может быть, самый сокрушительный удар по исламу Советская власть нанесла, когда был произведен повсеместный переход с арабской графики на латинскую, позже замененную кириллицей. В ходе «революции алфавитов» была уничтожена масса книг на арабском, прежде всего, религиозных.

По утверждению живущего в Германии узбекского исследователя Боймирзы Хайита, ислам в СССР лишился всех своих основ. Так, запрет религиозной собственности лишил его экономического базиса. Уничтожение религиозной литературы выбило

из-под него духовную основу. Запрет на выезд из страны и въезд в нее, невозможность совершать паломничество прекратил связи с другими исламскими народами. А закрытие мечетей, борьба с религиозными праздниками и постами оставили ислам в СССР и без его социального основания [3].

Первые годы Советской власти ознаменовались декларативными актами «монументальной пропаганды»: водружением в 1918 г. полумесяца над башней Сююмбике в Казани и передачей «трудящимся мусульманам» Караван-Сарая в Оренбурге, водружением на улицах городов гипсовых скульптур культурных и революционных деятелей и оформлении монументально-декоративных композиций на национальные темы. За короткий период НЭПа было выстроено довольно много мечетей, впрочем, не успевших развиться в сколько-нибудь значительное архитектурное явление. Смерть В.И. Ленина положила начало свертыванию программы свободного развития национальных культур.

Период после смерти Ленина и до начала Второй Мировой войны характеризовался сворачиванием политики культурно национальных автономий, ликвидацией очагов национальной татарской культуры во всех городах Советского Союза, кроме ТАССР и Крымской АССР.

Принятая 5 дек. 1936 г. Конституция СССР в ст. 124 провозглашала «свободу отправления религиозных культов и свободу антирелигиозной пропаганды» для всех граждан СССР. Законодательной основой деятельности религиозных объединений оставалось постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» 8 апр. 1929 г., всячески ограничивавшее как богослужебную, так и социальную деятельность религиозных общин. Впоследствии некоторые представители партийно-государственных органов выступали за отмену даже этого жесткого законодательного акта. Так, в мае 1937 г. с этим предложением к Сталину обращался Г.М. Маленков. Хотя предложение Маленкова и не было принято, в апр. 1938 г. была распущена руководимая П.А. Красиковым Комиссия по вопросам культов при Президиуме ЦИК СССР. Единственной государственной структурой, занимавшейся религиозными вопросами, оказался «церковный отдел» НКВД. В идеологической работе партийных и общественных организаций одной из приоритетных объявлялась задача строи-

тельства «безрелигиозного общества», офиц. СМИ и антирелигиозная литература свидетельствовали о «поддержке трудящимися массами» репрессивной религиозной политики Советского государства, как «наиболее полно обеспечивающей свободу совести» [19].

В годы Второй мировой войны «исламский фактор» в СССР использовали в своих интересах обе воюющие стороны. Гитлеровцы «педантично подчеркивали свое уважение к исламу, – описывает Алексей Малащенко. – На захваченных территориях открывались отобранные у мусульман большевиками мечети, священнослужители призывали молиться за Гитлера... За относительно короткое время военных действий на Северном Кавказе, в период его оккупации здесь имело место своего рода возрождение ислама [3]. Религиозный фактор учитывался при планировании внутренней политики в районах традиционного распространения ислама, прежде всего в Крыму и на Кавказе. Немецкая пропаганда декларировала уважение к ценностям ислама, преподносила оккупацию как освобождение народов от «большевистского безбожного ига», гарантировала создание условий для возрождения ислама. Оккупанты охотно шли на открытие мечетей практически в каждом населенном пункте «мусульманских регионов», предоставляли мусульманскому духовенству возможность через радио и печать обращаться к верующим. На всей оккупированной территории, где жили мусульмане, восстанавливались должности мулл и старших мулл, права и привилегии которых приравнивались к главам администраций городов и населенных пунктов [19]. Всего за время оккупации в Крыму было открыто 250 мечетей, зарегистрировано 400 мусульманских духовных лиц [3].

Сложившаяся к началу 1943 г. ситуация (положение на фронтах, широкая патриотическая деятельность религиозных объединений, стремление нейтрализовать нем. пропаганду в отношении религиозной ситуации в СССР, желание изменить негативное отношение в общественных кругах стран-союзниц к церковному курсу советского правительства) способствовала изменению религиозной политики в СССР [19]. Опираясь на обращение мусульманского духовенства, Совет добился принятия правительственного решения о создании в нач. 1944 г. духовных

управлений мусульман Ср. Азии и Казахстана (Ташкент), Сев. Кавказа (Буйнакск) и Закавказья (Баку). В течение короткого времени мусульманам было возвращено более тысячи мечетей, из тюрем и лагерей освобождалось духовенство. С 1944 г. стало возможным осуществление хаджа в Саудовскую Аравию [19].

Выселение крымскотатарского народа с его исторической Родины 18 мая 1944 года подвело черту под процессом поступательного развития его архитектуры вплоть до распада СССР и образованием независимого государства Украины.

Дюрбе.

Несколько дюрбе, сохранившихся в Бахчисарае и вокруг него, дают представление о развитии этого типа сооружения в Крыму. В основе их лежит две разновидности порталного дюрбе, воспринятых из архитектуры Золотой Орды.

1. Плоский восьмигранник на кубическом ярусе, перекрытый куполом (дюрбе Бей-Юде-султан [30], кон. XIV – нач. XV вв.; Эски-дюрбе [13, с. 37–38; 40], XV в.; дюрбе Ахмед-бея [29], XV–XVI вв.) и 1–2-ярусный восьмигранник с мощным далеко вынесенным порталом характерно золотоордынского типа (дюрбе Джанике-ханым [31], XV в.; дюрбе Хаджи-Гирея и Менгли-Гирея [43], 1501 г.).

2. В XIV веке появляется 8-гранное двухъярусное дюрбе османского типа с уплощенным 16-гранным верхним ярусом и полусферическим куполом (дюрбе Мухаммед-бея [42], XVI в. и дюрбе хана Мухаммед-Гирея II [42], XVII в. в Азисе [13, с. 21–26]; и два фамильных дюрбе Гиреев на Ханском кладбище [32; 33], XVI–XVII вв., а также дюрбе Диляры Бикеч [13, с. 62–63; 33] на территории Хан-Сарая, XVIII в.).

Все дюрбе имеют высокое поминальное помещение и низкий склеп; покойники хоронились в деревянных гробах. Вход в склеп – с восточной или южной стороны, замуровывался или закладывался каменной плитой. В верхнем помещении ставилось надгробие с эпитафией. Конструктивные решения мавзолеев различаются. В дюрбе Бей-Юде-Султан подкупольные паруса своими основаниями опираются непосредственно на пол верхнего помещения. В Малом восьмиграннике и Кубовидном они подняты и улучшены по пропорциям.

Наружная отделка каждого дюрбе выполнена в камне, внутренняя – в штукатурке или предназначалась для оштукатуривания. Отделка большинства усыпальниц исключительно проста и элегантна. Все они облицованы хорошо обработанными тесаными блоками. Более ранние дюрбе украшены резными вставками и бордюрами сельджукского типа, мукарнасными нишами, орнаментированными колонками [44, с. 124]. В XVI–XVII вв. появляются типично османские формы декорирования фасадов: стрельчатые ниши и обводы вокруг окон [44, с. 180], выделение карнизов и лопаток тягами [44, с. 212], закрепление углов декоративными колонками [44, с. 220]. К XVIII веку абрисы ниш приобретают легкий барочный оттенок, не нарушающий общего татарского стиля сооружения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Акчораклы О.* Новое из истории Чуфут-Кале // Известия Таврического о-ва истории, археологии и этнографии. Т. 2 (59-й). Симферополь, 1929.
2. *Ардаев В.* В СССР ислам был [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bbcrussian.com/> 5 октября 2005 г., 15:48 GMT 19:48 МСК
3. *Бахревский Е., Золотарев Д.* Ислам в Крыму. История, современность, перспективы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.moscow-crimea.ru>
4. Бахчисарай: дворцы не горят [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://archeologia.narod.ru/krim/bach.htm>
5. Высочайше утвержденное положение о Таврическом магометанском духовенстве и о подлежащих ведению его делах // ПСЗ, собр. 2-е, № 5033, п. 65, 1831.
6. *Гайворонский О.* Кладбище Кырк-Азизлер – безмолвный спутник города [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.eskiyurt.org.ua/qa.html>
7. *Гайворонский О.* Очерк истории Ханского дворца [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://hansaray.org.ua/r_ist_palac.html
8. *Гармаш П.Е.* Путеводитель по Крыму. Симферополь, 1996.
9. *Загидуллин И.К.* Исламские институты в Российской империи. Мечети в Европейской части России и Сибири. Казань: Татарское книжное издательство, 2007.

10. *Засыпкин Б.М.* Памятники монументального искусства Советского Востока // Художественная культура Советского Востока. Сб. статей под ред. И. Бороздина. М.-Л.: Академия, 1931. С.44–46.
11. К 350-летию покорения Казани (1552–1902). Подлинная о Казанском походе: запись царственной книги 1552 г. И сказание князя Курбского о покорении Казани. М., 1902.
12. *Килессо С.К.* Архитектура Крыма. Киев: Будівельник, 1983.
13. *Крикун Е.В.* Памятники крымскотатарской архитектуры (XIII–XX вв.). Симферополь: Крымучпедгиз, 1998. 112 с.
14. Крым. Архитектура, памятники: фотоальбом. Авт. Фото Р.Т. Папикьян. Авт. текста В.И. Тимофеев. Киев: Мистецтво, 1991.
15. *Куфтин Б.А.* Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова (материалы и вопросы) // Мемуары этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Вып. 1. М.: тип. «Тайнинский Печатник», 1926.
16. *Маркевич А.И.* Краткий очерк истории Крымского Ханства [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kyrgyz.ru/?page=255&>
17. О построении магометанских мечетей // Свод законов Российской империи. Т. XII, ч. 1. Разд. III, гл. 5, ст. 158. СПб., 1900.
18. О терпимости всех вероисповеданий и о запрещении Архиереям вступать в дела, касающиеся до иноверных исповеданий и до построения по их закону молитвенных домов, предоставили все сие светским правительствам // ПСЗ, собр.1-е, т. XIX, 1773 г. № 13996.
19. *Одинцов М.И.* Великая Отечественная война (1941–1945) и религиозные организации в СССР. Православная энциклопедия. Т. VII. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.katehizis.ru/>
20. *Озенбашилы Э.* Крымцы. Сб. работ по истории, этнографии и языку крымских татар. Акмесджит, 1997. 62 с.
21. *Опочинская А.И.* Судакская крепость // Архитектурное Наследство. М.: Гос. издательство литературы по строительству и архитектуре, 1986. № 34. С.255–265.
22. Отголоски древних верований у крымских татар [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://cidct.info/ru/Avdet/1-6\(96\)/26.html](http://cidct.info/ru/Avdet/1-6(96)/26.html)
23. *Паллас П.С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794. М.: Наука, 1999.
24. Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ua.vlasenko.net/_pgs/pgs-html/pgs2-258.html

25. *Саламзаде А.-В.Р.* История архитектуры Азербайджана. Всеобщая история архитектуры / под ред. Б.П. Михайлова. Ч.1. М.: Госстройиздат. 1958.

26. Указ... о постройке мечетей по ведомству Оренбургского Магометанского Духовного собрания, по новым планам и фасадам // ПСЗ, собр. 1-е, № 2903, 1829 г.

27. Указ... о постройке мечетей по ведомству Оренбургского Магометанского Духовного собрания, по новым планам и фасадам // ПСЗ, собр. 2-е, № 27539, 1844 г.

28. *Хабутдинов А., Мухетдинов Д.* Ислам в СССР: предыстория репрессий. По материалам книги Д.Ю. Арапова и Г.Г. Косача «Ислам и мусульмане. По материалам восточного отдела ОГПУ. 1926 год. // Медина аль-Ислам. 19–25 октября 2007 г. № 39.

29. *Халит Н.* Дюрбе Ахмед-бея (Крым, Азиса) // Ислам на Европейском Востоке. Казань: Магариф, 2004 г.

30. *Халит Н.* Дюрбе Бей-Юде-султан, рубеж XIV–XV вв. (Крым, Азиса, ул. Фрунзе) // Ислам на Европейском Востоке. Казань: Магариф, 2004. С. 224.

31. *Халит Н.* Дюрбе дочери хана Тохтамыша Джаныке-ханым, XV в. (Крым, Салачик, Чуфут-Кале) // Ислам на Европейском Востоке. Казань: Магариф, 2004. С. 225.

32. *Халит Н.* Дюрбе Крымских ханов и правителей // Ислам на Европейском Востоке. Казань: Магариф, 2004. С. 224.

33. *Халит Н.* Дюрбе Ханского кладбища (XVI–XVII вв.) // Ислам на Европейском Востоке. Казань: Магариф, 2004. С. 226.

34. *Халит Н.* Мечети Золотой Орды // Ислам на Европейском Востоке. Казань: Магариф, 2004. С. 211–212.

35. *Халит Н.* Мечети Крымского ханства // Ислам на Европейском Востоке. Казань: Магариф, 2004. С. 215.

36. *Халит Н.* Мечети средневековой Казани. Историко-архитектурное исследование. Казань: Татарское книжное издательство, 2011.

37. *Халит Н.* Очерки по архитектуре ханской Казани. Гипотезы. Факты. Размышления. Казань: Мастер-Лайн, 1999.

38. *Халит Н.* Татарская мечеть и ее архитектура. Казань: Татарское книжное издательство, 2012.

39. *Халит Н.* Татарская мечеть от начала до наших дней. Казань: РИУ, 2012.

40. *Халит Н.* Эски Дюрбе, XV в. (Крым, г. Бахчисарай, у Ханского дворца) // Ислам на Европейском Востоке. Казань: Магариф, 2004. С. 224–225.

41. *Халит Н.* Главная мечеть Золотой Орды? // Татарстан. Казань: ТГЖИ, 1995, № 7–8.
42. *Халит Н.* Дюрбе Мухаммед-Бея и Мухаммед-Гирея II (Крым, Азиса) // Ислам на Европейском Востоке. Казань: Магариф, 2004. С. 225–226.
43. *Халит Н.* Дюрбе ханов Хаджи-Гирея и его сына Менгли-Гирея (Крым, Салачик, Чуфут-Кале) // Ислам на Европейском Востоке. Казань: Магариф, 2004. С. 225.
44. *Халит Н., Альменова-Халит Н.* Стили и формы средневековой архитектуры Казани. Казань: Татарское книжное издательство, 2014. 351 с.
45. *Халитов Н.Х.* Памятники архитектуры Казани XVIII – начала XIX вв. М.: Стройиздат, 1989.
46. *Халитов Н.Х.* (Нияз Халит) Татарские дворцовые комплексы XV–XVI вв.: некоторые закономерности архитектуры // Истоки и эволюция художественной культуры тюркских народов: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения педагога-просветителя, художника Ш.А. Тагирова (Казань, 17–18 апреля 2008 г.). Казань, 2009. С. 304–317.
47. Ханский дворец (Бахчисарай) [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Ханский_дворец_\(Бахчисарай\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Ханский_дворец_(Бахчисарай))
48. *Эвлия Челеби.* Книга Путешествия, Крым и сопредельные области. 1666–1667 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://crimeantatars.com/крымское-ханство/14-эвлия-челеби-путешествие-по-крыму>
49. *Эрнст Н.Л.* Бахчисарайский ханский дворец и архитектор вел. кн. Ивана III Фрязин Алевиз Новый // Известия Таврического о-ва истории, археологии и этнографии. Т. 2 (59-й). Симферополь: изд. Гос. дворца и Музея тюрко-татарской культуры в Крыму, 1928.
50. Юсуповская мечеть [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.archportal.crimea.ua/bachchisaray/usupovskaya-mechet.html>

Сведения об авторе: Нияз Хазиевич Халитов – доктор архитектуры, профессор, главный научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420014, Кремль, подъезд 5, Казань, Россия); n_halit@mail.ru

Architecture of the Crimean Khanate

Niyaz Khalit

(Sh. Marjani Institute of History,

Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan)

Abstract: The Crimean Khanate, which existed for about 350 years, left an imprint on the history of Russia and also a number of ground facilities. At the time of its inception (1405), its multi tribal people already possessed thousands of construction and architectural tradition. In general, the architecture of the Crimean Khanate can be defined as a cultural phenomenon, which arose on the solid foundation of a local tradition and based, on the one hand, on the Turkish-Tatar State ideology, and on the other hand, on a very high craftsmanship standards of its peoples. Being situated close to the Ottoman Empire and depending on it, it had adopted features of Turkish style, while remaining, however, quite peculiar and conceptually clear branch of Government and popular culture of Crimea. The most populated part, the cultural core of the State, is the Crimean peninsula, having the remarkable diversity of natural-geographical environment (mountains, foothills, grassland and sea coast). This, as well as the complexity of the ethnogenesis of the Crimean Tatar people, and the contribution component of the other tribes of population of the Crimea, predetermined diversity planning principles for the infrastructure of the settlements, the typology of dwelling and household buildings and their design. In the architecture of the Khan's Palace in Bakhchisarai, the principle of perimeter layout around a central courtyard is taken. It brings the Khan-Saray palace with a similar set of Arch in Kazan and the complex of Sultan's Palace Top-Capu in Istanbul, which were made at the same time with it. By the time of beginning of the Crimean Khanate, two main types of mosques came into use in its territory: central-domed and pillared, taken as the legacy of the earlier Golden Horde tradition, as well as cupola-basilica shaped of Ottoman type. After the conquest of Crimea by Russia, the development of architecture here went on the scheme, already used two centuries earlier in the Volga region and Siberia. Having lost government funding and Government support, the Muslim sacral architecture had stopped its perspective development, sharply lessening the scale of construction, typological diversity and the quality of buildings which were built.

During the 19th century on the Crimean Tatar mosques architecture made great impact the model projects, having been developed in St. Petersburg. The most common type of Crimean Tatar mosque building of the New period was 1–2 storey stone buildings with a minaret, adjacent to one of the

facades. In the Soviet times began the total destruction of mosques, medrees and cemeteries. The deportation of the Crimean Tatar people from their historical homeland in May, 18, 1944, stopped the process of the progressive development of its architecture right up until the collapse of the Soviet Union and the formation of the independent State of Ukraine.

Keywords: Tatars, Crimean Tatars, the Crimea, the Golden Horde, the Crimean Khanate, mosques, Dyrbe, Khan's Palace, architecture.

REFERENCES

1. Akchorakly O. Novoe iz istorii Chufut-Kale [The new information from the history of Chufut-Kale]. *Izvestiya Tavricheskogo o-va istorii, arkheologii i etnografii* [The news from Tavrida's history, archeology, and ethnography]. Vol. 2 (59). Simferopol, 1929.
2. Ardaev V. *V SSSR islam byl* [Islam was in the USSR]. Available at: <http://bbcrussian.com/> 5 oktyabrya 2005 g.
3. Bakhrevskiy E., Zolotarev D. *Islam v Krymu. Istoriya, sovremennost', perspektivy* [Islam in the Crimea. The history, the present, the perspectives]. Available at: <http://www.moscow-crimea.ru>
4. *Bakhchisaray: dvortsy ne goryat* [Bakhchisaray: the palaces don't burn]. Available at: <http://archeologia.narod.ru/krim/bach.htm>
5. Vysochayshee utverzhdennoe polozhenie o Tavricheskom Mago-metanskom Dukhovenstve i o podlezhashchikh vedeniyu ego delakh [The highest confirmed regulations about Tavrida Mohammedanism Clergy and about affairs concerning it]. *Polnoe sobranie zakonov* [The full collection of law code materials], assembly 2, no. 5033, 1831.
6. Gayvoronskiy O. *Kladbishche Kyrk-Azizler – bezmolvnnyy sputnik goroda* [The Kirk-Azizler cemetery is the silent companion of the city]. Available at: <http://www.eskiyurt.org.ua/qa.html>
7. Gayvoronskiy O. *Ocherk istorii Khanskogo dvortsa* [The sketches on history of the Khan's Palace]. Available at: http://hansaray.org.ua/r_ist_palac.html
8. Garmash P.E. *Putevoditel' po Krymu* [The guide-book on the Crimea]. Simferopol, 1996.
9. Zagidullin I.K. *Islamskie instituty v Rossiyskoy imperii. Mecheti v Evropeyskoy chasti Rossii i Sibiri* [Islam Institutes in Russian Empire. Mosques in the European part of Russia and Siberia]. Kazan. Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2007.
10. Zasytkin B.M. *Pamyatniki monumental'nogo iskusstva Sovetskogo Vostoka* [The memorials of the monumental arts of the Soviet East].

Khudozhestvennaya kul'tura Sovetskogo Vostoka [The art culture of the Soviet East]. Ed. I. Borozdina. Moscow-Leningrad, Akademiya, 1931. Pp.44–46.

11. *K 350-letiyu pokoreniya Kazani (1552–1902). Podlinnaya o Kazanskom pokhode: zapis' tsarstvennoy knigi 1552 g. I skazanie knyazya Kurbskogo o pokoreнии Kazani* [To the 350th anniversary of the conquest of Kazan (1552–1902). The true information about the campaign to Kazan: the writings of the regal book 1552. And the tale of prince Kurbskoy about the subjugation of Kazan]. Moscow, 1902.

12. Kileso S.K. *Arkhitectura Kryma* [Architecture of the Crimea]. Kiev, Budivel'nik, 1983.

13. Krikun E.V. *Pamyatniki krymskotatarskoy arkhitektury (XIII–XX vv.)* [The monuments of the Crimean Tatar architecture (XIII–XX)]. Simferopol, Krymuchpedgiz, 1998. 112 p.

14. *Krym. Arkhitectura, pamyatniki: fotoal'bom* [The Crimea. Architecture, monuments: photograph album]. Kiev, Mistetstvo, 1991.

15. Kuftin B.A. *Zhilishche krymskikh tatar v svyazi s istoriey zaseleniya poluostrova (materialy i voprosy)* [The dwellings of the Crimean Tatars in connection with colonization of the peninsular (materials and question)]. *Memuary etnograficheskogo otdela Obshchestva lyubiteley estestvoznaniya, antropologii i etnografii* [Memoirs of the ethnographic department of the society of natural science, anthropology and ethnography]. Issue 1. Moscow, Tayninskiy Pechatnik, 1926.

16. Markevich A.I. *Kratkiy ocherk istorii Krymskogo Khanstva* [A short sketch about the history of the Crimean khanate]. Available at: <http://www.kyrgyz.ru/?page=255&>

17. *O postroenii magometanskikh mechetey* [About construction of Mohammedan mosques]. *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [Law code of the Russian Empire]. Vol. XII, part 1. Razdel III, glava 5, stat'ya 158. Saint-Petersburg, 1900.

18. *O terpmosti vsekhn veroispovedaniy i o zapreshchenii Arkhiereyam vstupat' v dela, kasayushchiesya do inovernykh ispovedaniy i do postroeniya po ikh zakonu molitvennykh domov, predstavili vse sie svetskim pravitel'stvam* [About tolerance to all religions and about prohibition made by Archbishop to interfere in the affairs concerning the other religious beliefs, and in the problem of construction their religious praying houses, and to let everything do to temporal state powers]. *Polnoe sobranie zakonov* [Full collection of statute books], assembly 1, vol. XIX, 1773, no. 13996.

19. Odintsov M.I. *Velikaya Otechestvennaya vojna (1941–1945) i religioznye organizatsii v SSSR* [The Great Patriotic War (1941–1945) and religious organizations in the USSR]. *Pravoslavnaya entsiklopediya* [The Orthodox encyclopaedia]. T. VII. Available at: <http://www.katehizis.ru/>.

20. Ozenbashly E. *Krymtsy. Sbornik rabot po istorii, etnografii i yazyku krymskikh tatar* [A collection of works on history, ethnography and language of the Crimean Tatars]. Akmesdzhit, 1997. 62 p.

21. Opozhinskaya A.I. *Sudakskaya krepost'* [The Sudak fortress]. *Arkhitekturnoe Nasledstvo* [Architectural heritage]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo literatury po stroitel'stvu i arkhitekture, 1986, no. 34, pp.255–265.

22. *Otgosloski drevnikh verovaniy u krymskikh tatar* [The echo of the ancient beliefs of the Crimean Tatars]. Available at: [http://cidct.info/ru/Avdet/1–6\(96\)/26.html](http://cidct.info/ru/Avdet/1–6(96)/26.html).

23. Pallas P.S. *Nablyudeniya, sdelaynye vo vremya puteshestviya po yuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794* [Observations made while travelling along the southern regions of Russian government in 1793–1794]. Moscow, Nauka, 1999.

24. *Pamyatniki gradostroitel'stva i arkhitektury Ukrainской SSR* [The monuments of town-planning and architecture in the Ukrainian SSR]. Available at: http://ua.vlasenko.net/_pgs/pgs-html/pgs2-258.html.

25. Salamzade A.-V.R. *Istoriya arkhitektury Azerbaydzhana. Vseobshchaya istoriya arkhitektury* [The history of the architecture of Azerbaijan The universal history of the architecture]. Part 1. Moscow, Gosstroyizdat, 1958.

26. Ukaz... o postroyke mechetey po vedomstvu Orenburgskogo Magometanskogo Dukhovnogo sobraniya, po novym planam i fasadam [The decree about constructions of the mosques according to Orenburg Mohammedan Religious assembly using new plans and facades]. *Polnoe sobranie zakonov* [Full collection of status book], assembly 1, no. 2903, 1829.

27. Ukaz... o postroyke mechetey po vedomstvu Orenburgskogo Magometanskogo Dukhovnogo sobraniya, po novym planam i fasadam [The decree... about construction of the mosques according to Orenburg Mohammedan Religious assembly using new plans and facades]. *Polnoe sobranie zakonov* [Full collection of status books], assembly 2, no. 27539, 1844.

28. Khabutdinov A., Mukhetdinov D. *Islam v SSSR: predystoriya repressiy. Po materialam knigi D.Yu. Arapova i G.G. Kosacha «Islam i musul'mane. Po materialam vostochnogo otdela OGPU. 1926 god»* [Islam in the USSR. Prehistory of repression. According to the materials of the book by D.Yu. Arapov and G.G. Kosach «Islam and muslims. According materials of the eastern department of OGPU 1926»]. *Medina al'-Islam* [Islam city of Medina]. 19–25 oktyabrya 2007 g, no. 39.

29. Khalit N. Dyurbe Akhmed-beya (Krym, Azisa) [Dyurbe Bey Akhmed (the Crimea, Azisa)]. *Islam na Evropeyskom Vostoke* [Islam on the European East]. Kazan, Magarif, 2004.

30. Khalit N. Dyurbe Bey-Yude-sultan, rubezh XIV–XV vv. (Krym, Azisa, ul. Frunze) [Dyurbe Bey-Yud Sultan. The borderline of XIV–XV centuries (the Crimea, Azisa, Frunze st.)]. *Islam na Evropeyskom Vostoke* [Islam on the European East]. Kazan, Magarif, 2004. P. 224.

31. Khalit N. Dyurbe docheri khana Tokhtamysha Dzhanyke-khanym, XV v. (Krym, Salachyk, Chufut-Kale) [Dyurbe of Tokhtamysh Khan's daughter Dzhanyke-khanym (the Crimea, Salachyk, Chufut Kale)]. *Islam na Evropeyskom Vostoke* [Islam on the European East]. Kazan, Magarif, 2004. P. 225.

32. Khalit N. Dyurbe Krymskikh khanov i praviteley [Dyurbe Crimean khans and rulers]. *Islam na Evropeyskom Vostoke* [Islam on the European East]. Kazan, Magarif, 2004. P. 224.

33. Khalit N. Dyurbe Khanskogo kladbishcha (XVI–XVII vv.) [Dyurbe of the Khan's cemetery (XVI–XVII) centuries]. *Islam na Evropeyskom Vostoke* [Islam on the European East]. Kazan, Magarif, 2004. P. 226.

34. Khalit N. Mecheti Zolotoy Ordy [Mosques of the Golden Horde]. *Islam na Evropeyskom Vostoke* [Islam on the European East]. Kazan, Magarif, 2004. Pp. 211–212.

35. Khalit N. Mecheti Krymskogo khanstva [Mosques of the Crimean Khanate]. *Islam na Evropeyskom Vostoke* [Islam on the European East]. Kazan, Magarif, 2004. P. 215.

36. Khalit N. *Mecheti srednevekovoy Kazani. Istoriko-arkhitekturnoe issledovanie* [The mosques of Kazan in the middle ages. Historic-architectural investigation]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2011.

37. Khalit N. *Ocherki po arkhitekture khanskoy Kazani. Gipotezy. Fakty. Razmyshleniya* [The sketches on the architecture of the Khan's Kazan]. Kazan, Master-Layn, 1999.

38. Khalit N. *Tatarskaya mechet' i ee arkhitektura* [Tatar's mosque and its architecture]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2012.

39. Khalit N. *Tatarskaya mechet' ot nachala do nashikh dney* [Tatar's mosque from the beginning and up to the present days]. Kazan, RIU, 2012.

40. Khalit N. Eski Dyurbe, XV v. (Krym, g. Bakhchisaray, u Khanskogo dvortsa) [The Ancient Dyurbe, XV century (the Crimea, Bakhchisarai, near the Khan's Palace)]. *Islam na Evropeyskom Vostoke* [Islam on the European East]. Kazan, Magarif, 2004. P. 224–225.

41. Khalit N. Glavnaya mechet' Zolotoy Ordy? [The Main Dyurbe of the Golden Horde]. *Tatarstan* [Tatarstan]. Kazan, TGZHI, 1995, no. 7–8.

42. Khalit N. Dyurbe Mukhammed-Beya i Mukhammed-Gireya II (Krym, Azisa) [Dyurbe of Mukhammed Bey and of Mukhammed Giray II (the Crimea, Azisa)]. *Islam na Evropeyskom Vostoke* [Islam on the European East]. Kazan, Magarif, 2004. Pp. 225–226.

43. Khalit N. Dyurbe khanov Khadzhi-Gireya i ego syna Mengli-Gireya (Krym, Salachik, Chufut-Kale) [Dyurbe of Khan Hagi Giray and of his son Mengli-Giray (the Crimea, Salachyk, Chufut-Kale)]. *Islam na Evropeyskom Vostoke* [Islam on the European East]. Kazan, Magarif, 2004. P. 225.
44. Khalit N., Al'menova-Khalit N. *Stili i formy srednevekovoy arkhitektury Kazani* [The styles and forms of the medieval architecture of Kazan]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2014. 351 p.
45. Khalitov N.Kh. *Pamyatniki arkhitektury Kazani XVIII – nachala XIX vv.* [The monuments of architecture of Kazan of the XVIII beginning of XIX century]. Moscow, Stroyizdat, 1989.
46. Khalitov N.Kh. (Niyaz Khalit) *Tatarskie dvortsovye komplekсы XV–XVI vv.: nekotorye zakonomernosti arkhitektury* [Tatar's Palace complexes of the XV–XVI centuries and some regularities of its architecture]. *Istoki i evolyutsiya khudozhestvennoy kul'tury tyurkskikh narodov: Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 150-letiyu so dnya rozhdeniya pedagoga-prosvetitelya, khudozhnika Sh.A. Tagirova (Kazan', 17–18 aprelya 2008 g.)* [Sources and evolution of the art culture of the Turkic people. Materials of the International scientific-practical conference, dedicated to 150 anniversary since the birthday of a great teacher and educator, the artist, Tagirov Sh.A. (Kazan, April 17–18, 2008)]. Kazan, 2009. Pp. 304–317.
47. *Khanskiy dvorets (Bakhchisaray)* [Khan's Palace (Bakhchisarai)]. Available at: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Khanskiy_dvorets_\(Bakhchisaray\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Khanskiy_dvorets_(Bakhchisaray))
48. Evliya Chelebi. *Kniga Puteshestviya, Krym i sopredel'nye oblasti. 1666–1667 gg.* [The Book of Travels, the Crimea and the contiguous regions. 1666–1667]. Available at: <http://crimeantatars.com/krymskoe-khanstvo/14-evliya-chelebi-puteshestvie-po-krymu>
49. Ernst N.L. *Bakhchisarayskiy khanskiy dvorets i arkhitektor vel. kn. Ivana III Fryazin Aleviz Novyy* [Bakhchisarai Khan's palace and architect of Ivan III Fryazin Aleviz Novi]. *Izvestiya Tavricheskogo o-va istorii, arkheologii i etnografii* [The news of Tavrida history, archeology and ethnography]. Vol. 2 (59). Simferopol, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo dvortsa i Muzeya tyurko-tatarskoy kul'tury v Krymu, 1928.
50. *Yusupovskaya mechet'* [Yusupov's mosque]. Available at: <http://www.archiportal.crimea.ua/bachchisaray/yusupovskaya-mechet.html>.

About the author: Niyaz Khazievich Khalitov – Doctor of Architecture, professor, the Chief Researcher, Sh. Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (420014, Kremlin, entrance 5, Kazan, Russia); n_halit@mail.ru